

УДК: 159.9

Трансформация темпорального пространства субъектной безопасности в условиях суицидального влияния

Краснянская Татьяна Максимовна¹, Тылец Валерий Геннадьевич¹¹ Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
357635 Россия, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина роз, 7

Аннотация:

Психологическая характеристика становления суицидальных намерений до сих пор содержала фоновое описание переживания субъектом времени. Несмотря на признание того, что их оформление сопровождается негативными трансформациями восприятия времён жизни и связано с суицидальными процессами, детализация их особенностей не проводилась. Статья имеет целью восполнить этот пробел в качестве значимой части решения проблемы по установлению предпосылок суицидального поведения. Испытуемые были разделены на пять подвыборок: I группа – субъекты без суицидальных признаков, II группа – субъекты с антивитальными переживаниями, III группа – субъекты с пассивными суицидальными мыслями, IV группа – субъекты с суицидальными замыслами, V группа – субъекты с суицидальными намерениями. Обработка результатов опроса позволила экспертам выделить три основных параметра оценки испытуемыми времени своей безопасности: интенсивность, длительность и значимость. Исследование подтвердило связь процесса становления суицидальных намерений и темпорального пласта субъектной безопасности человека. Показана неоднородность данной связи и её детерминированность используемыми параметрами оценки времени безопасности. Основными тенденциями трансформации времени субъектной безопасности при развитии суицидальных наклонностей определены возрастание его значимости и падение субъективной длительности во всех временах. Обозначена необходимость детального учёта времени субъектной безопасности при анализе суицидальных наклонностей.

Ключевые слова: субъектная безопасность, психологическая безопасность, время, темпоральное пространство, суицидальные тенденции, суицидальные намерения, личность, интенсивность, длительность, значимость.

Введение

Проблемы психологической безопасности личности в современных условиях наполненности реальности многообразными стрессорами и бурного развития технологически отточенных приёмов и средств суггестивности становятся особенно актуальными. Значительный вклад в их появление вносит неконтролируемое, массирующее и далеко не всегда доброжелательное вторжение, прежде всего, со стороны средств массовой информации во внутренний мир человека – в систему его представлений, в ценностные смыслы, устремления, эмоциональный фон жизнедеятельности. Изменение их содержания, полярности, иерархической структуры, относительного уровня, пришедшее извне и не учитывающее суверенные интересы обладателя, способно привести к нарушению баланса личностной организации и рассогласованности целевого построения субъектной активности. Падение адекватности взаимодействия с окружающим миром делает его оппозиционным человеку и, зачастую, достаточно враждебным имеющимся у него интересам. Утрата субъектного контроля над происходящим в зависимости от степени её рефлексивности создаёт более или менее устоявшуюся индивидуальную реальность неопределённости, нестабильности и неуверенности в своей способности принимать эффективные решения и достигать успеха в их реализации. Сужение субъективного пространства защищённости

сопровождается разрушением ресурсов развития на текущий момент и в перспективе. Все обозначенные признаки падения безопасности личности создают благоприятную среду для образования на субъектном уровне напряжённости, тревожности, раздражительности, депрессивности и в своём комплексе значительно повышают риски суицидального поведения [1].

Вопросы связи безопасности и суицидальных проявлений человека до недавнего времени в соответствующих проблемно ориентированных исследованиях были представлены достаточно эпизодически [2, 3, 4]. Богатая феноменология нарушения защищённости человека и его способности к дальнейшему развитию (тревожность, депрессивность, стрессовые переживания и пр.), широко привлекаясь для характеристики предпосылок становления суицидальных тенденций, непосредственно не увязывалась с состоянием субъектной безопасности [5]. Во многом это может быть объяснено недостаточным ещё до недавнего времени оформлением предметного пространства психологии безопасности личности. Интенсивное для двух последних десятилетий изучение психологических аспектов безопасности человека создало теоретико-эмпирические предпосылки для проведения по данной тематике прикладных разработок, в том числе, связанных с рассмотрением психологического содержания суицидальных действий. Благоприятной исследовательской основой для этого выступила, в частности, детализация психологической интерпретации сущности субъектной (психологической) безопасности, выявление свойственных ей закономерностей, ресурсных особенностей, принципов, стратегий, траекторий реализации и т.д.

Осуществлению прикладных исследований по обозначенному направлению в немалой степени способствует трактовка безопасности личности в качестве особой проекции средовых условий на психические структуры человека, определяющей переживание им чувства защищённости в единстве с сохраняющейся способностью к развитию, позволяющему достичь личностно значимую цель жизни [6]. Исходя из такой интерпретации, психологический план безопасности человека представлен широким диапазоном феноменов, чувствительных к его способности управлять факторами, значимыми для переживания субъектной защищённости и возможности дальнейшего развития [7, 8, 9, 10]. Их положительный полюс, объединяющий психологический комфорт, удовлетворённость, воодушевление, восторг и прочие позитивные состояния, соответствует переживанию полной субъектной защищённости и расширенного горизонта развития, что в своём единстве образует идеал безопасности личности. Отрицательный полюс рассматриваемой феноменологии, интегрируя раздражительность, тревожность, фрустрацию, напряжённость и иные негативные субъектные проявления, отражает предельную уязвимость человека и утрату им видения перспектив достижения личностно значимых ориентиров жизненного осуществления. Приближение к нему, вероятно, детерминируется падением уровня подконтрольности субъекту факторов, влияющих на переживание им защищённости и доступности развития в приоритетном для личности направлении. Опираясь на богатый эмпирический материал и теоретические обобщения суицидологии, можно предположить, что положительный полюс феноменологии субъектной безопасности в наименьшей степени, а её отрицательный полюс – в наибольшей степени связаны с причинными основаниями суицидальных действий.

Перспективность привлечения категории субъектной безопасности для изучения психологического пласта суицидального поведения определяется комплексом открывающихся при этом возможностей. Являясь интегрированной структурой для целого ряда психических феноменов, своим использованием она позволяет перейти на более высокий уровень обобщения, упрощая тем самым анализ психологических детерминант суицида. Её привлечение в качестве своеобразного смыслового каркаса благоприятно для объединения и интерпретации многообразных разрозненных фактов причинного поля суицидальных проявлений. Субъектная безопасность может выступать удобным маркером состояния суицидальных тенденций личности, свидетельствовать о качественных

изменениях её психического поля. Более того, она способна обеспечить большую визуализацию особенного и единичного суицидальной картины конкретного субъекта. Для проектирования профилактики суицидального поведения привлекателен также ориентационный потенциал субъектной безопасности.

Вместе с тем, диапазон теоретического и практического использования взаимосвязи психологической безопасности и суицидальных тенденций субъекта сдерживается сохранением определённых пробелов в понимании её природы, закономерностей и механизмов функционирования. Ограниченность научной информации данного рода сочетается с востребованностью практикой понимания разных её аспектов.

Целью данного исследования явилась детализация особенностей темпорального пласта субъектной безопасности в условиях суицидальных влияний.

В современных исследованиях фактор времени субъекта учитывается чаще всего в качестве определенного фона становления суицидальных намерений. Характеристика соответствующего процесса подразумевает переживание им субъективного сужения доступного времени будущего или пугающей, травмирующей событийной неопределённости отодвинутого горизонта жизни. Настоящее время обычно рассматривается с позиции тотальной негативной окрашенности, не допускающей возможности каких-либо позитивных изменений. Оно также может отождествляться с эмоционально привлекательными «пиковыми состояниями», приводящими к отрицанию возможности повторного проживания чего-то подобного в будущем и, тем самым, перечёркивающими желание по его осуществлению. Прошедшее время при развитии суицидальных намерений субъекта лишается ресурсности, необходимой для блокировки их антивитальной природы. В целом, следует признать то, что при описании личности и поведения суицидентов наиболее типичным для научных источников является лишь схематизация, но не содержательная фиксация соответствующего им темпорального контекста.

Между тем, психологическое время способно изменять субъектные акценты смысловой картины мира, кардинально перестраивать динамику психической жизни личности [11, 12]. Оно отграничивает, стимулирует, направляет, т.е. вносит существенный вклад в организацию субъективного пространства суицидента. Косвенный характер представления данных о переживании временной транспективы оставляет за рамками его психологического портретирования важный, с нашей точки зрения, пласт детерминации суицидальных намерений.

Возможность концентрации на витально ресурсоёмком содержании временной транспективы субъекта суицидальных намерений даёт обращение непосредственного ко времени его психологической безопасности, представленного в темпоральном пространстве обладателя совокупностью периодов поведенческой активности под знаком целостного переживания защищённости и устойчивой возможности развития в личностно значимых координатах. Мы предполагали, что формирование суицидальных тенденций субъекта находится в обратной зависимости от интенсивности, длительности и значимости переживания им времени безопасности. Проверка данной гипотезы проводилась на эмпирической основе.

Материалы и методы

Исследование проходило в период 2015-2016 гг. Эмпирическая выборка включала молодых людей в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст – 20,6 года) – студенты Ставропольского государственного педагогического института и Северо-Кавказского федерального университета. Общая численность испытуемых составила 300 человек. Состав испытуемых равномерно распределён по курсам обучения в бакалавриате: по 75 человек с каждого года обучения. Выборка достаточно сбалансирована по половому составу: 160 (53,3 %) испытуемых женского пола и 140 (46,7 %) испытуемых мужского пола. В качестве важной для исследования характеристики выборки рассматривалось проживание испытуемых в семьях. Участие в исследовании основывалось на добровольном согласии.

Для решения исследовательских задач была сформирована экспертная группа,

включающая трёх психологов, со стажем профессиональной деятельности от 10 лет и имеющих опыт оказания консультативной помощи лицам с проблемами суицидального характера.

Эмпирическими методами исследования выступили опрос, экспертная оценка, субъективное шкалирование и клиническая беседа.

Метод опроса применялся на подготовительном этапе для выявления качественных оценок испытуемыми времени своей безопасности. По его материалам экспертами установлены пары прилагательных, характеризующих переживание молодыми людьми времени безопасности. В соответствии с выдвинутой гипотезой данное время рассматривалось по параметрам интенсивности (пустое – насыщенное, тусклое – яркое, вялое – напряжённое), длительности (свёрнутое – протяжённое, быстрое – медленное, короткое – долгое) и значимости (эпизодическое – эпохальное, пустое – важное, поверхностное – существенное) образующих их периодов субъектной безопасности.

Для изучения темпоральных особенностей субъектной безопасности привлекалась методика субъективного шкалирования из арсенала идеографического исследования. По процедуре испытуемым было предложено с использованием 10-балльной шкалы оценить время своей безопасности в прошлом, настоящем и предполагаемом будущем по установленным экспертами парам параметров-прилагательных. Темпоральные особенности субъектной безопасности выявлялись посредством анализа средних оценок параметров интенсивности, длительности и значимости времени субъектной безопасности для каждого испытуемого и их подвыборок.

Подвыборки составлялись по итогам клинической беседы, в рамках которой перед психологами-экспертами ставилась задача по выявлению у обследуемых уровня развития суицидальных тенденций. В их динамике фиксировались стадии: отсутствие признаков; стадия антивитальных переживаний, стадия пассивных суицидальных мыслей, стадия суицидального замысла, стадия суицидальных намерений. В итоге было сформировано пять подвыборок: I группа – субъекты без суицидальных признаков ($n_1= 96$, т.е. 32,0% от всей выборки), II группа – субъекты с антивитальными переживаниями ($n_2= 81$, т.е. 27,0%), III группа – субъекты с пассивными суицидальными мыслями ($n_3= 74$, т.е. 24,7%), IV группа – субъекты с суицидальными замыслами ($n_4= 38$, т.е. 12,7%), V группа – субъекты с суицидальными намерениями ($n_5= 11$, т.е. 3,6 %).

Особенности темпорального пространства субъектной безопасности устанавливались через параметрическое сопоставление оценок соответствующего времени на группах с разным состоянием суицидальных тенденций. Для повышения достоверности результатов проводилась статистическая обработка по t-критерию Стьюдента.

Результаты и обсуждение

Начальным шагом исследования явилось изучение особенностей распределения оценок, выставленных подвыборками испытуемых темпоральным параметрам пространства субъектной безопасности (интенсивности, длительности и значимости) по трём временам.

Параметр интенсивности пространства субъектной безопасности раскрывается с позиции наполненности для испытуемых событиями или обстоятельствами, дающими им ощущение защищённости и доступности развития в значимом для личности направлении. Некоторая динамика оценок данного параметра установлена по двум парам подвыборок (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительное распределение по временам средних оценок интенсивности пространства субъектной безопасности

Подвыборки	Средние оценки по временам ¹			$t_{эмпл.}^2$		
	П	Н	Б	П/Н	П/Б	Н/Б
I ($n_1= 96$)	4,5	5,3	6,1	1,32	1,80*	1,38
II ($n_2= 81$)	4,4	5,3	6,0	1,44	1,78*	1,22

III (n ₃ = 74)	4,8	4,9	5,7	0,56	1,53	1,33
IV (n ₄ = 38)	5,5	4,9	4,2	1,08	1,76*	1,22
V (n ₅ = 11)	6,0	3,9	4,3	2,36**	2,48**	0,86

Обозначение:

¹ П – прошлое время; Н – настоящее время; Б – будущее время;

² Уровни значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Статистически значимые различия ($p < 0,05$) в оценках прошлого и будущего времени по интенсивности пространства субъектной безопасности в I (с отсутствием суицидальных проявлений) и II (с антивитальными переживаниями) подвыборках, судя по средним значениям, могут свидетельствовать о тенденции к ожиданию их представителями прироста насыщенности своей безопасностью в будущем по сравнению с прошедшим периодом жизни. Отсутствие в поле сознания испытуемых этих подвыборок субъектно-значимых опасностей, вероятно, обесценивает полноту переживания ими безопасности в прошлом, но не умаляет надежды на неё в будущей своей жизни.

Различие на том же уровне ($p < 0,05$) в IV подвыборке (с суицидальными замыслами) выявляет статистическую тенденцию к утрате таких ожиданий. Сочетание суицидальных замыслов с такой тенденцией позволяет предположить, что в жизни испытуемых присутствуют факторы, повышающие ценность безопасных периодов прошлого и позволяющие предполагать подобный уровень безопасности в своём будущем.

Статистически достоверные различия ($p < 0,01$) в оценках безопасности в прошлом по сравнению с настоящим и будущим, обнаруженные в V подвыборке (с суицидальными намерениями), могут указывать на появление существенных отличий в оценке данными испытуемыми наполненности состоянием безопасности своей настоящей и будущей жизни, по сравнению с прошедшим периодом. Снижение их средних оценок позволяет предположить переживание обследуемыми подвыборки малой насыщенности безопасностью своего настоящего и утрату возможности насытить ею своё будущее.

Тенденция к снижению ожиданий безопасности в будущем может, с одной стороны, объяснять оформление суицидальных намерений, в другой стороны, подкреплять их.

Целостный анализ обозначенных статистических тенденций показывает, что прирост уровня суицидальных намерений по подвыборкам сопровождается некоторым повышением оценок параметра интенсивности субъектной безопасности применительно к прошлому времени и их падением – к настоящему и будущему времени. Можно сделать вывод, в соответствии с которым низкий уровень развития суицидальных намерений, по сравнению с более высоким, характеризуется нейтральным восприятием насыщенности событиями безопасности в прошлом и большей заинтересованностью в них в настоящем и будущем. Данное утверждение соответствует закономерности, выявленной нашими предшественниками, в соответствии с которой переживание текущего психологического благополучия сопровождается низкой рефлексией безопасных периодов прожитой жизни, но заинтересованностью в воспроизводстве событий безопасности в своём будущем. Развитие суицидальных намерений, вероятно, сопровождается пересмотром событий прошлой жизни, позволяющим повысить субъектную значимость тех её периодов, которые наполнены безопасностью. Одновременно, суицидальные намерения сочетаются с прогнозом малой численности безопасных событий в своём будущем.

Параметр длительности пространства субъектной безопасности характеризует субъективное восприятие испытуемыми продолжительности периодов жизни, дающих ощущение защищённости и доступности развития в значимом для личности направлении. Полученные в отношении данного параметра оценки позволяют проследить по выделенным подвыборкам ряд статистических тенденций (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительное распределение по временам средних оценок длительности пространства

субъектной безопасности

Подвыборки	Средние оценки по временам ¹			$t_{эмп.}^2$		
	П	Н	Б	П/Н	П/Б	Н/Б
I (n ₁ = 96)	7,8	6,2	8,2	1,71*	0,68	2,04**
II (n ₂ = 81)	7,6	6,3	7,5	1,75*	0,12	1,78*
III (n ₃ = 74)	6,8	5,8	7,2	1,43	0,86	1,70*
IV (n ₄ = 38)	4,2	3,3	3,5	1,51	1,18	0,88
V (n ₅ = 11)	4,3	3,1	2,9	1,49	1,99*	0,96

Обозначение:

¹ П – прошлое время; Н – настоящее время; Б – будущее время;

² Уровни значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Статистически значимые различия ($p < 0,05$) в оценках длительности субъектной безопасности прошлого и настоящего, а также настоящего и будущего в подвыборках I (отсутствие суицидальных намерений) и II (антивитальные переживания) свидетельствуют о прослеживаемой в них тенденции к более идеалистическому восприятию данного пространства в прошлом и будущем и реалистическому – в настоящем времени. Согласно средним оценкам, полученным по данным подвыборкам, безопасность настоящего для вошедших в них испытуемых менее длительна, чем в прошлом и в ожидаемом будущем. Тенденция подкрепляется достоверным характером отличий ($p < 0,01$) соответствующих оценок безопасности настоящего и будущего для I подвыборки. Аналогичная тенденция в восприятии настоящего и будущего прослеживается в III подвыборке (пассивные суицидальные мысли). Вероятно, низкий уровень суицидальных намерений и их отсутствие определяют более требовательное отношение субъектов к длительности текущей безопасности, по сравнению с периодами жизни, которые уже прошли или не наступили.

В IV подвыборке (с суицидальными замыслами) оценка длительности субъектной безопасности обнаруживает достаточную стабильность невысоких показателей по всем трём временам. При этом происходит заметное, по сравнению с подвыборками с более низким уровнем суицидальных намерений, снижение средних оценок испытуемыми длительности периодов своей безопасности в прошлом, настоящем и будущем времени жизни. Связь между оформлением суицидального замысла и падением оценок длительности безопасности во временной транспективе может носить в данном случае взаимообуславливающий характер.

При достаточном оформлении суицидальных намерений в V подвыборке прослеживается статистическая тенденция ($p < 0,05$) к падению, по сравнению с прошлым её состоянием, оценки протяжённости пространства субъектной безопасности в будущем. Вероятно, субъекты с высоким уровнем развития суицидальных намерений уже практически не видят возможности обеспечить более или менее длительную безопасность событиям своей будущей жизни. Это делает их высоко уязвимыми к совершению суицидальных действий.

Целостный анализ полученного по рассматриваемому темпоральному параметру распределения оценок указывает на то, что прирост уровня суицидальных намерений подвыборок, в целом, сопровождается устойчивым снижением оценок длительности субъектной безопасности по всем временам. Вероятно, расширение суицидальных намерений связано с субъектной локализацией протяжённости пережитых в прошлом периодов безопасности. По сути, можно говорить о количественном сокращении периодов безопасности, на которые субъект с укрепляющимися суицидальными намерениями, может опереться для их преодоления. Сужение на субъектном уровне длительности пространства безопасности может, с одной стороны, объяснять собой укрепление рассматриваемых намерений, с другой стороны, стимулировать соответствующий процесс.

Параметр значимости пространства субъектной безопасности соответствует оценке

испытуемыми ценности трёх периодов их жизни с точки зрения переживания ими защищённости и способности продолжать развитие в приоритетном для интересов личности направлении. Наиболее очевидные различия в оценке данного параметра выявлены, согласно эмпирическим данным, при отсутствии и начальном развитии суицидальных тенденций (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительное распределение по временам средних оценок значимости пространства субъектной безопасности

Подвыборки	Средние оценки по временам ¹			$t_{эмп.}$ ²		
	П	Н	Б	П/Н	П/Б	Н/Б
I (n ₁ = 96)	5,7	6,5	7,8	1,48	2,19**	1,76*
II (n ₂ = 81)	5,5	6,3	7,7	1,32	2,25**	1,80*
III (n ₃ = 74)	6,1	7,2	7,9	1,53	1,79*	1,45
IV (n ₄ = 38)	7,7	7,9	8,3	0,44	1,95	1,86
V (n ₅ = 11)	7,8	8,1	8,9	0,79	1,82*	1,66

Обозначение:

¹ П – прошлое время; Н – настоящее время; Б – будущее время;

² Уровни значимости: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Статистически достоверные ($p < 0,01$) для I (отсутствие суицидальных намерений) и II (антивитальные переживания) подвыборок различия в оценках значимости безопасности прошлого и будущего и статистически значимые ($p < 0,05$) различия её оценок в настоящем и будущем могут указывать на то, что при неформленности суицидальных намерений значимость состояний безопасности в будущем выше, чем в прошлом или в настоящем времени жизни. Этим подтверждается свойственная субъекту актуального психологического благополучия закономерность обесценивания прошлой и текущей безопасности в сочетании с сохранением потребности в ней в своём будущем.

Несколько иной смысловой подтекст имеет подобная тенденция к преобладанию статистической значимости ($p < 0,05$) безопасности в будущем по сравнению с безопасностью в прошлом, обнаруженная в III (пассивные суицидальные мысли) и в V (суицидальные намерения) подвыборках. Высокий уровень значимости актуальной безопасности для них, не отличающийся по значимости от значимости по остальным временам, может свидетельствовать об общем переосмыслении ценности безопасности жизни в условиях утраты способности к её обеспечению (на что указывает становление суицидальных намерений).

Целостный анализ выявленных тенденций позволяет сделать вывод, в соответствии с которым возрастание у субъекта уровня развития суицидальных намерений сочетается с приростом оценок значимости для него пространства безопасности прошлого и настоящего и их падением применительно к его безопасности в будущем. Возможно, что укрепление суицидальных намерений сочетается с повышением аксиологической чувствительности субъекта к своей безопасности по всем временам. Данный вывод подтверждается неоднократными свидетельствами того, что актуализация у субъекта ранее латентной потребности в безопасности происходит в условиях появления каких-либо угроз его жизнедеятельности.

Следующим этапом обобщающей рефлексии эмпирических результатов выступило установление по трём временам тенденций оценивания темпоральных параметров субъектной безопасности при возрастании уровня суицидальных намерений (табл. 4).

Таблица 4

Сводные тенденции оценивания по временам параметров безопасности в выборках,

рассмотренных по возрастанию суицидальных намерений

Параметр	Прошлое	Настоящее	Будущее
Интенсивность	Р	П	П
Длительность	П	П	П
Значимость	Р	Р	Р

Обозначение: Р – тенденция к росту оценок параметра в подвыборках, выстроенных по развитию суицидальных намерений; П – тенденция к падению оценок параметра в подвыборках, выстроенных по развитию суицидальных намерений.

Согласно полученным результатам, возрастание по выборкам уровня суицидальных наклонностей ни по одному из времён жизни испытуемых не сопровождается однородными тенденциями в оценке параметров пространства безопасности.

В отношении прошедших событий безопасности наиболее устойчивый прирост отмечается по оценкам параметров интенсивности и значимости, падение – по оценке их продолжительности. Данный результат может явиться констатацией того, что укрепление суицидальных наклонностей сопровождается появлением ностальгии в отношении субъективного благополучия прошлой жизни: её периоды безопасности кажутся всё более насыщенными и значимыми, но всё менее достаточными по времени проживания.

Переживание актуальных и ожидаемых в будущем периодов безопасности при возрастании уровня суицидальных наклонностей сочетается с падением оценок их интенсивности и длительности, и с ростом значимости. Выявленная закономерность может характеризовать появление у субъектов при укреплении суицидальных наклонностей достаточно развитого переживания дефицита безопасных периодов жизни, болезненность которого подкрепляется возрастанием их субъектной значимости.

Проведённое исследование предполагало оценку пространства психологической безопасности по параметрам интенсивности, длительности и значимости в трёх временах жизни субъектами с пятью градациями развития суицидальных наклонностей. Выдвинутая нами эмпирическая гипотеза подтвердилась лишь частично.

Полученные результаты и сделанные на их основе выводы позволяют прийти к следующему **заключению**:

Значимой психологической составляющей развития суицидальных наклонностей выступает темпоральный пласт субъектной безопасности личности. Развитие данных наклонностей сопровождается значительными трансформациями психологического пространства личности, связанного, прежде всего, с переживанием чувства защищённости и способности к достижению личностно значимой цели жизни через постоянное развитие, в своём единстве образующих субъектную безопасность.

Темпоральный пласт пространства безопасности оценивается не однородно в зависимости от выбранного параметра и уровня развития суицидальных наклонностей.

Трансформация темпорального пространства субъектной безопасности в условиях суицидального влияния подчинена ряду закономерностей, вызванных неоднородностью данного пространства во временной транспективе и параметрическом рассмотрении.

Психологическое пространство субъектов с суицидальными наклонностями требует более полного и дифференцированного рассмотрения с учётом тенденций переживания ими безопасных периодов своей жизни.

Список цитированной литературы:

1. Lyakhov A.V., Tukova Zh.V. The problem of loneliness students with different priorities subektnosti protect // European Journal of Psychological Studies. 2015. № 2 (6). С. 75-80. DOI: 10.13187/ejps.2015.6.75
2. Краснянская Т.М. Влияние суицидальных predispozitsiy молодежи на выбор безопасных стратегий поведения // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. Т. 49. № 5. С. 246-257.
3. Тишкова Е.С. Субъективное атрибутирование суицидальных намерений студентами с разными приоритетами личной безопасности // Психология, социология и педагогика. 2015. № 5 (44). С. 57-63.
4. Mantorova I.V., Djevathanova D.A. Features of Safety Values of Students with Different Type of Time Perspective // European Journal of Psychological Studies. 2016. № 1. (7). С. 22-28. DOI: 10.13187/ejps.2016.7.22
5. Простофилин А.М. Влияние экзаменационного стресса на формирование предпосылок суицидального поведения старших школьников // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 26-1. С. 120-125.
6. Котова И.Б., Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Веселова В.Г., Иохвидов В.В. Артефакты личной безопасности в субъектном пространстве студентов вуза // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 4. С. 51-67. DOI: 10.21702/rpj.2016.4.3
7. Краснянская Т.М., Ковдра А.С. Психологическая безопасность личности: временная перспектива. Пятигорск, 2012. 168с.
8. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Время опасности и безопасности в субъектном опыте студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 3. С. 231-236. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236
9. Тамилова Т.А. Темпораментальные основы построения стратегий безопасного поведения // Достижения вузовской науки. 2016. № 23. С. 109-114.
10. Умарова Г.М. Распределение ценностей безопасности студентов вуза при разном типе отношения ко времени // Психолог. 2015. № 6. С.32-55. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.6.16890. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_16890.html
11. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Время как интерпретационная категория психологического пространства безопасности личности студента // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 221-225.
12. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Темпоральные аспекты психологической безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Вып. 3. С.70-75. DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-3-70-75

Количество таблиц: 4.